8. Arabsko-russkij slovar'. Tashkent: Kamalak, 1994 (A-r 1994).

9. Borisov V.M. Russko-arabskij slovar'. M.: Sov. jencikl., 1997 (R-a 1997).

10. Valiullina L.K. Leksika arabskogo proishozhdenija v russkom i tatarskom jazykah: sopostavitel'nyj aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Cheboksary, 2004.

11. Egorova T.V. Slovar' inostrannyh slov sovremennogo russkogo jazyka. M.: Adelant, 2012 (SIS 2012).

12. Zhilinskaja L.A. Nacional'no-kul'turnye i jazykovye osobennosti arabizmov v sovremennom nemeckom jazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2009.

13. Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyj slovar' inostrannyh slov: svyshe 25000 slov i slovosochetanij. M.: Azbukovnik, 2008 (NSIS 2008).

14. Ivanova A.A. Tematicheskaja klassifikacija arabizmov v russkom jazyke // Naukovij chasopis NPU imeni M.P. Dragomanova. 2011. Vip. 5. Ser. 9. Suchasni tendencії rozvitku mov. S. 104–109.

15. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov i slovosochetanij. M.: Jeksmo, 2007 (TSIS 2007).

16. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russkij Tolkovyj slovar'. M.: Jeksmo, 2006 (RTS 2006).

17. Marinova E.V. Inojazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI v.: problemy osvoenija i funkcionirovanija. M.: Izd-vo JeLPIS, 2008.

18. Morkovkin N.M., Bogachjova V.V., Luckaja G.F. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka / Gos. in-t rus. jaz. im. A.S. Pushkina; pod red. V.V. Morkovkina. M., 2016 (BUS 2016).

19. Nadzhim K.H. Idiomatizacija kak odna iz form formirovanija jazykovoj kartiny mira (na materiale SP «Odezhda» v russkom i arabskom jazykah): dis. … kand. filol. nauk. Saratov, 2016.

20. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html (data obrashhenija: 20.05.2017).

21. Ogienko I.I. Inozemnye jelementy v russkom jazyke: istorija proniknovenija zaimstvovannyh slov v russkij jazyk. M.: URSS: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. 3-e izd.

22. Sandal [Jelektronnyj resurs] // Slovar' sinonimov russkogo jazyka. URL: http://sinonim.org/s/sandal (data obrashhenija: 23.05.2017).

23. Svetlova P.M. Osobennosti recepcii arabskih prototipov v russkom jazyke // Kazanskaja nauka. 2012. № 3. S. 124–130.

24. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Rus. slovari, 1994. T. 4.

25. Fjodorova T.L. Sovremennyj slovar' inostrannyh slov. M.: Lad-Kom, 2011 (SSIS 2011).

26. Hallavi M.H. Leksicheskie arabskie zaimstvovanija v sovremennom russkom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1986.

27. Hussajn A.H. Russkaja leksika arabskogo proishozhdenija v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: avtoref. dis. ... kand. nauk. M., 2001.

28. Sharbatov G.Sh. Arabsko-russkij uchebnyj slovar'. M.: Rus. jaz, 1981 (A-r 1981).

Functioning of Arabic loanwords meaning "plant" in the Russian language

The article deals with the words of the Arabic origin. The author applies the thematic typology that allows finding out in the Russian language the Arabic loanwords meaning "plant" (thematic group "Plants and animals", subgroup "Plants"). The lexemes ко́фе, санда́л, тарху́н, хна that are familiar to native speakers of Russian and actively function in speech are under consideration in the article.

Key words: *Russian language, foreign language vocabulary, loanwords, arabisms, plants.*

(Статья поступила в редакцию 04.09.2017)

СУНЬ ШУЯН
(Санкт-Петербург)

ГЛАГОЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ФАБУЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Фабульные отношения рассматриваются как временные и причинные. Как в художественном, так и в пословичном тексте глагольная форма является главным средством выражения временного признака, но в силу обобщенности, вневременности и других характеристик русских пословиц выражение конкретного временного признака непредметного объекта может быть в паремии не выраженным материально, тогда временные отношения воспринимаются как неотъемлемая часть причинных отношений.

Ключевые слова: *пословица, фабульные отношения, непредметные объекты, видовая семантика глаголов, временные и причинно-следственные отношения.*

Русские пословичные единицы (ПЕ) – один из фольклорных жанров, объединяющий выражения, «имеющие структуру законченного предложения и дидактический харак-

© Сунь Шуян, 2017

тер, способные одновременно иметь буквальный и переносный план или только переносный план» [6, с. 11]. Этот разряд единиц вызывает большой интерес ученых и является «предметом изучения целого ряда лингвистических дисциплин – фразеологии, лингвофольклористики, этимологии, синтаксиса и т.д.» [15, с. 201]. В современной научной литературе ПЕ изучаются в аспекте лингвокультурологии и когнитивистики (Е.И. Зиновьева, В.Н. Телия, Н.Н. Семененко и др.), с точки зрения фольклорно-жанровых особенностей (В.П. Аникин, Ю.М. Соколов), индивидуально-авторского прочтения (О.Е. Фролова, О.В. Ломакина и др.), функционирования пословиц в речи (А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, Л.Б. Савенкова) и т.д. По мнению А.А. Потебни, все малые фольклорные жанры – присловья и поговорки, пословицы и побасёнки – представляют собой тексты, т.е. словесные образования, «имеющие самодовлеющее значение, могущие употребляться самостоятельно <…> Как знаки пословичные изречения относятся к языку, а как модели они принадлежат фольклору» [12, с. 81–84]. Подобный подход особенно важен при разработке проблем лингвистики текста и, в частности, служит выявлению специфики семантической структуры пословиц и связанной с этим их способности к выражению фабульных отношений события в тексте.

А.А. Потебня, исследуя в своих работах соотношение понятия «событие» с русскими пословицами, обращался к вопросу об источниках пословиц и разных их типах (образных и необразных). По мнению ученого, в пословицах либо изображается конкретное событие (как, например, в ПЕ *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить; Заговелась лиса – загоняй гусей*), либо «происходит сокращение не самого образа, а вывода, обобщения житейского правила, добытого при помощи этого образа или при помощи второго образа в двойной басне» [13, с. 93]. Под второй случай подпадают, на наш взгляд, такие ПЕ, как *Не в свои сани не садись* (из «Сказки о рыбаке и рыбке»). Помимо образных пословиц А.А. Потебня отмечает наличие значительного массива безóбразных изречений нравственного содержания, в которых «обобщение не заключает в себе следа своего происхождения от образа. Например, *На худо и дурака станет*» [Там же].

Пословица как один из жанров фольклора отмечена особыми характеристиками – такими, как обобщенность, вневременность, сжатость и др. Поэтому представляемые в пословице события должны отличаться от способов выражения события в других типах художественных текстов – в рассказе, романе и т.д.

В лингвистике, по мнению В.З. Демьянкова, различают три разновидности понятия «событие» [5, с. 3]: 1) событие как идея (т.е. мы понимаем, что происходит / произошло / будет происходить в действительном мире. – *С.Ш.*); 2) собственно событие, или референтное событие (т.е. с конкретными деталями события, уточняющими, где, кто, когда и т.д. – *С.Ш.*); 3) текстовое событие.

Если в художественном тексте событие может быть представлено предельно полно, то в ПЕ достаточно часто мы находим лишь отдельные черты события. В работе К.Н. Кипсабит с помощью понятий «событие» и «ситуация» определяются референт, денотат, сигнификат русских ПЕ. Референтом пословиц и поговорок являются события и ситуации реальной действительности, отражаемые, однако, в сознании языкового коллектива не целиком: выделяются лишь отдельные черты, связи, присущие ситуациям. Они-то и составляют денотаты пословиц и поговорок. «Сигнификативные значения, заключенные в пословице и поговорке, всегда представляют собой переосмысление ситуации, являющейся денотатом, подведение ее под квазилогическое обобщение» [8, с. 49].

Поставленный перед нами вопрос состоит в следующем: какие событийные черты или связи отражаются в русских пословицах? На наш взгляд, в первую очередь это фабульные связи события, к которым относятся, по мнению А.М. Томашевского, «не только временные признаки, но и причинные» [19, с. 136]. Вследствие обобщенности и вневременности пословиц, т.е. неконкретности субъекта, объекта, обстоятельства и времени, мы не знаем точных «где», «когда», «кто» в пословичном событии, но временные признаки и связи между действиями или другими компонентами события, такие как *предшествование – следствие (следование), процесс, повторяемость, начало, конец,* а также причинные связи (в общем смысле), в ПЕ отражаются.

Между тем представление «в чистом виде» о временных признаках и связях в пословицах получить достаточно трудно. Как пишет Е.А. Бирюкова, «временные отношения обычно воспринимаются как отношения обусловленности, так как временные отношения, констатирующие лишь сам факт предшествования одного действия другому, без уста-

новления условной зависимости между ними (внутренней мотивированности явлений), для пословиц не типичны» [3, с. 137.] Поэтому мы используем термин *фабульные отношения в рамках события* с целью подчеркнуть внутренние связи в событии на оси времени и причинные связи – на оси логики.

Для определения фабульных связей в пословичном событии необходимо выяснить, какие компоненты входят в рамки события. Помимо понятия «событие» есть целая серия непредметных (событийных) значений, обозначающих все то, что происходит с предметами, таких как *процесс*, *ситуация*, *состояние*, *действие*, *изменение*, *положение дел* и др. [2, с. 178]. В событии названные непредметные объекты – процессы, изменения, состояния и действия – «входят в иную последовательность или иные отношения с другими объектами на оси времени, перемежаясь, налагаются друг на друга, частично пересекаются, следуя друг за другом» [Там же]. Иначе говоря, событие состоит из разных непредметных объектов, которые упорядоченно и последовательно оформлены на оси времени. В пословицах же как текстах особого типа необходимо также учитывать связи непредметных объектов на оси логики. Таким образом, в ходе нашего анализа в фабульные отношения целесообразно включать временные отношения последовательности и причинные отношения.

Сочетания глаголов являются в русских ПЕ основным средством выражения фабульных отношений между непредметными объектами в рамках события.

I. Главная роль в выполнении этой функции принадлежит сочетанию глаголов совершенного вида (СВ). В русском языке «предельность», «ограниченность», «целостность» составляют основные характеристики видовой семантики глаголов СВ – глаголами совершенного вида называют «глаголы со значением *ограниченное пределом целостное действие*» [9, с. 265].

1. Сочетание глаголов СВ прошедшего времени в русских пословицах (30 %). В художественных произведениях сочетание глаголов СВ прошедшего времени характерно для текста повествовательного типа. По мнению И.Б. Голуб, «главная особенность всех повествовательных текстов – глагольный тип речи, причем в роли сказуемого выступают, как правило, глаголы прошедшего времени совершенного вида, потому что только они способны изобразить действия, сменяющие друг друга» [4, с. 59]. В нашем материале также имеется немало примеров с сочетанием глаголов СВ прошедшего времени, с помощью которого выражается «смена» непредметных объектов в рамках события на оси времени, например: *Лег – свернулся, встал – встряхнулся; Пожалел волк кобылу, отставил хвост да гриву; Тонул – топор сулил, а как вытащили – топорища жаль стало; От пули выжил, а от укуса комара погиб; Раз украл, а на век вором стал; Каков пошел, таков и пришел; Легко добыто, легко и прожито*; *Что с возу упало, то пропало; Пришло махом, ушло прахом.*

Этот тип выражения фабульных отношений через видовую семантику глаголов СВ прошедшего времени подчеркивает временную последовательность действий в рамках события. Следует отметить, что во многих таких паремиях ощутима следственно-результативная семантика, т.е. показ того, что именно вытекает из совершаемого действия (*Один раз* ***украл****, а на век* ***вором стал***) и что позволяет судить о типичности ситуации (*Что с возу упало, то пропало; Пришло махом, ушло прахом*), о правильности / неправильности той или иной модели представленного поведения или развития событий (*пожалел – оставил*) и о соответствующей их оценке.

2. Сочетание глаголов СВ будущего времени 3-го и 2-го лица ед. числа (37 %). По частотности использования в анализируемых нами паремиях сочетание глаголов СВ прошедшего времени уступает сочетанию глаголов СВ будущего времени, которое является самой актуальной формой выражения смены непредметных объектов в рамках события.

- глаголы СВ будущего времени 3-го лица ед. числа: *В апреле земля перепреет, значит в мае посеет; Все перемелется, мука будет; Женится – переменится; И комар лощадь свалит, коли волк пособит; Кто посеет ветер, пожнет бурю; Мать высоко руку подымает, да и не больно опустит; Лиса придет – курица раскудахчется; Кто как постелется, так и выспится* и т.д.;
- глаголы СВ будущего времени 2-го лица ед. числа: *Встанешь раньше, шагнешь дальше; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; Окоротишь – не воротишь; Поработаешь по поту, так и поешь в охоту; Что посеешь, то и пожнешь; В полплеча работа тяжела, а оба поставишь – легче справишь; Что сошьешь, то и поносишь; Час упустишь – годом не наверстаешь* и т.д.

Формы глаголов СВ будущего времени 2-го лица выступают в пословицах, как и в русском языке в целом, в качестве формального

показателя обобщенного значения. Аналогичную обобщающую функцию выполняют и глаголы в форме 3-го лица ед. числа, например: *В апреле земля перепреет, в мае посеет; Все перемелется, мука будет.*

В отличие от ПЕ с сочетаниями глаголов СВ прошедшего времени при использовании форм будущего времени временные отношения между действиями или непредметными объектами не явно выражены грамматической формой глаголов. Они уже воспринимаются как компонент значения обусловленности: в случае сочетания в ПЕ глаголов СВ будущего времени для определения фабульных отношений сначала выявляется «смена» непредметных объектов на оси логики, т.е. причинно-следственные или условно-следственные отношения и т.д. (ср.: *Не поймаешь ни одного зайца, если погонишься за двумя*), затем уточняется наличие или отсутствие отношений последовательности на оси времени.

II. Помимо сочетаний глаголов СВ, отметим небольшую группу примеров, образованных формами глаголов несовершенного вида (НСВ) **(8 %)**: *Где дрова рубят, там и щепки летят; Летом 2 дня льет – час сохнет, осенью – час льет, две недели сохнет; Если птица теряет перо, то вместо него вырастает новое; Один день ловит рыбу, три дня сушит сеть; Кто в море бывал, тот лужи не боится*.

Сочетание глаголов НСВ, особенно если оба глагола в форме настоящего времени, обычно выражает отношения одновременности между действиями. В таком случае фабульные отношения также основаны на причинно-следственных связях между непредметными объектами, «смена» на оси времени не явно выражена через грамматические формы глаголов и является дополнительной. Сходные случаи также встречаются в таких ПЕ, где формы глаголов не выражают грамматического временного значения (например, с формами инфинитива) **(11 %)**: *В камень стрелять – только стрелы терять; Говорить правду – терять дружбу; Час терпеть – а век жить;* с формами императива: *Учи других, а сам поймешь; Ищи – не сказывай, нашел – не показывай*.

В результате анализа и классификации можно сделать следующие выводы.

Во-первых, событийная сущность текста рассматривается нами как смена непредметных объектов на оси времени и логики. И данная сущность отражается не только в художественном тексте, но и в пословичном тексте, при этом в ПЕ имеется своя специфика в отражении события.

Во-вторых, непредметные объекты сменяются друг с другом, т.к. между ними есть временные и причинные отношения, т.е. отношения фабульные. Они выражены в тексте поразному, главное отличие заключается в том, что это чисто временные отношения (временная последовательность) или же они сочетаются со значением обусловленности (причинно-следственным, условно-следственным, следственно-результативным).

В-третьих, в пословичном тексте временные отношения выражены в основном с помощью разных типов сочетания глагольных форм, как в других видах художественном тексте. Но, в отличие от основных способов выражения временной смены в художественных текстах, которая представлена сочетанием глаголов СВ прошедшего времени, для русских пословиц сочетание СВ будущего времени более типично и актуально. Можно сказать, что в нашем материале сочетание глаголов СВ (форма будущего и прошедшего времени) более явно выражает временные отношения между непредметными объектами, констатирующие предшествование одного непредметного объекта другому.

В-четвертых, в рамках фабульных отношений непредметных объектов временные и причинные связи дополняют друг друга. Обычно в русских пословицах временные отношения между непредметными объектами более явно выражены грамматическими формами глаголов, а причинные связи более имплицитны. И наоборот, когда глагольная форма (инфинитив и форма повелительного наклонения) не выражает временного значения, мы определяем фабульные отношения через причинно-следственные или условно-следственные связи между непредметными объектами.

Список литературы

1. Аникин В.П. Теория фольклора. М.: КДУ, 2007.

2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

3. Бирюкова Е.А. К вопросу о семантико-грамматическом потенциале русских пословиц // Вестн. Новгор. гос. ун-та. 2014. № 77. С. 137–139.

4. Голуб И.Б. Литературное редактирование: учеб. пособие. М.: Логос, 2010.

5. Демьянков В.З. Событие в семантике прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка 1983. Т. 42. № 4/6. С. 320–329.

6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1991. 4-е изд., испр. и доп.

7. Зиновьева Е.И., Довгалюк М.Н. Общекультурный код русских паремий (на примере пословичного портрета мужчины) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы III Конгресса РОПРЯЛ: в 2 т. (г. Санкт-Петербург, 10–13 октября 2012 г.). СПб.: Изд. дом «МИРС», 2012. Т. 1. С. 341–344.

8. Кипсабит К.Н. Структурно-семантические особенности русских пословиц и поговорок с пространственно-временными характеристиками: дис. … канд. филол. наук. М., 2002.

9. Краткая русская грамматика / В.Н. Белорусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина [и др.]; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989.

10. Ломакина О.В. Паремия в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестн. Орловского гос. ун-та. 2010. № 6. С. 217–221.

11. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

12. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1998.

13. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 90–97.

14. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д., 2002.

15. Семененко Н.Н. Проблемы лингвистического статуса пословиц и поговорок // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: сб. материалов Междунар. науч.-метод. конф.: в 2 т. Старый Оскол, 2005. Т. 1. С. 201–208.

16. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1938.

17. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

18. Тихонова В.В. Актуализация темпоральных отношений в событийной ситуации: дис. … канд. фил. наук. Барнаул, 2002.

19. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. ст. Н.Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999.

20. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: ЛКИ, 2007.

* * *

1. Anikin V.P. Teorija fol'klora. M.: KDU, 2007.

2. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988.

3. Birjukova E.A. K voprosu o semantiko-grammaticheskom potenciale russkih poslovic // Vestn. Novgor. gos. un-ta. 2014. № 77. S. 137–139.

4. Golub I.B. Literaturnoe redaktirovanie: ucheb. posobie. M.: Logos, 2010.

5. Dem'jankov V.Z. Sobytie v semantike pragmatike i v koordinatah interpretacii teksta // Izv. Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i jazyka 1983. T. 42. № 4/6. S. 320–329.

6. Zhukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. M.: Rus. jaz., 1991. 4-e izd., ispr. i dop.

7. Zinov'eva E.I., Dovgaljuk M.N. Obshhekul'turnyj kod russkih paremij (na primere poslovichnogo portreta muzhchiny) // Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii: materialy III Kongressa ROPRJaL: v 2 t. (g. Sankt-Peterburg, 10–13 oktjabrja 2012 g.). SPb.: Izd. dom «MIRS», 2012. T. 1. S. 341–344.

8. Kipsabit K.N. Strukturno-semanticheskie osobennosti russkih poslovic i pogovorok s prostranstvenno-vremennymi harakteristikami: dis. … kand. filol. nauk. M., 2002.

9. Kratkaja russkaja grammatika / V.N. Belorusov, I.I. Kovtunova, I.N. Kruchinina [i dr.]; pod red. N.Ju. Shvedovoj i V.V. Lopatina. M.: Rus. jaz., 1989.

10. Lomakina O.V. Paremija v tekstah L.N. Tolstogo: lingvokul'turologicheskij kommentarij // Vestn. Orlovskogo gos. un-ta. 2010. № 6. S. 217–221.

11. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Formirovanie i funkcionirovanie frazeologizmov s kul'turno markirovannoj semantikoj v sisteme russkoj rechi // Frazeologija v kontekste kul'tury. M., 1999.

12. Permjakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii. M., 1998.

13. Potebnja A.A. Iz lekcij po teorii slovesnosti Basnja. Poslovica. Pogovorka // Teoreticheskaja pojetika. M.: Vyssh. shk., 1990. S. 90–97.

14. Savenkova L.B. Russkaja paremiologija: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Rostov n/D., 2002.

15. Semenenko N.N. Problemy lingvisticheskogo statusa poslovic i pogovorok // Lingvisticheskie i metodicheskie osnovy filologicheskoj podgotovki uchitelja-slovesnika: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-metod. konf.: v 2 t. Staryj Oskol, 2005. T. 1. S. 201–208.

16. Sokolov Ju.M. Russkij fol'klor. M., 1938.

17. Telija V.N. Metaforizacija i ee rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2006.

18. Tihonova V.V. Aktualizacija temporal'nyh otnoshenij v sobytijnoj situacii: dis. … kand. fil. nauk. Barnaul, 2002.

19. Tomashevskij B.V. Teorija literatury. Pojetika: ucheb. posobie / vstup. st. N.D. Tamarchenko. M.: Aspekt Press, 1999.

20. Frolova O.E. Mir, stojashhij za tekstom: referencial'nye mehanizmy poslovicy, anekdota, volshebnoj skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo hudozhestvennogo teksta. M.: LKI, 2007.

Verbal semantics as the means of expressing the thematic relations in Russian proverbs

The article deals with the thematic relations as temporal and causal relations. The verbal form is the basic means to express temporality both in fiction texts and in proverbs, but due to generality, timelessness and other characteristics of Russian proverbs the expression of the specific temporary sign of an abstract object can not necessarily be expressed materially. In this case temporal relations are perceived as an integral part of causal relations.

Key words: *proverb, thematic relations, abstract objects, type semantics of verbs, temporal and causal relations.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2017)

ВАН ЦЗИНХУЭЙ
(Москва)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ПРОИЗВОДЯЩАЯ БАЗА ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается производящая база отфразеологических дериватов. Фразеологические единицы могут служить базой для образования дериватов. Обращается внимание на соотношение лексико-грамматических разрядов производящих фразеологических единиц в количественном отношении и наиболее частотные значения производящих фразеологических единиц.

Ключевые слова: *отфразеологические дериваты, производящая база, фразеологические единицы, лексико-грамматические разряды фразеологизмов, классификация производящих фразеологизмов по значению.*

Словообразование – одна из самых подвижных языковых подсистем. Его динамичность проявляется в появлении новых способов словопроизводства, среди которых особо выделяется отфразеологическое словообразование – развивающийся в современном русском языке процесс, который заметно активизировался в последние годы. Еще в 1938 г. В.В. Виноградов обратил внимание на возможность словообразования на базе фразеологических единиц. Он отметил, что «фразеологические единицы (ФЕ) – это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и источник рождения новых слов» [1, с. 122]. Изучение отфразеологического словообразования в дальнейшем связано с исследованиями таких лингвистов, как М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, Т.П. Литвинникова [1], О.И. Блинова [2], Е.Н. Ермакова [4], Е.А. Земская [6], В.А. Петров [9], Р.Н. Попов [11], Н.М. Шанский [14] и др. Дериваты, созданные на базе имеющихся фразеологических единиц, называются отфразеологическими (ОФД), например: *бить баклуши → баклушничать, кривить душой → криводушник, шапками закидаем → шапкозакидательство, спустя рукава → рукавоспустие, разводить тары-бары → тарабарить* [1, с. 38, 158, 367, 282, 321] и др. В 2003 г. вышел «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка» [1], который является основной материальной базой нашего исследования. Однако следует отметить, что не все ОФД, представленные в этом словаре, входят в систему литературного языка, многие из них являются окказионализмами, носят речевой характер и встречаются крайне редко, см. например: *дофенист, злободневник*, *объярлычить*, *очертяголовничать, пупист, спустярукавный* [Там же, с. 110, 138, 218, 226, 265, 310] и др. В то же время привлечение окказионализмов важно для исследования словообразовательной структуры ОФД.

Структура производного слова всегда бинарна. В ней выделяются производящая база и словообразовательный формант. «Производящая база слова – это основа мотивирующего слова или все мотивирующее слово в целом» [8, с. 76]. Образование дериватов на базе фразеологических единиц происходит поразному. При сложении и сращении сохраняются основные компоненты фразеологической единицы, например: ***пустая голова*** → *пусто-голов-Ø,* ***снимать пенки*** → *пенк-о-снимать*ель, *толстая сума → толст-о-сум-Ø-(ый)*, ***на все руки*** → *на-все-руки*, ***валять дурака*** → *дурака-валя-ни[j(э)]* [1, с. 265, 232, 188, 112] и др. При использовании аффиксальных способов ОФД включает, как правило, только один из компонентов производящей фразеологической единицы, например: *точить* ***балясы*** → *баляс-*

© Ван Цзинхуэй, 2017